

Свирского, Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского.⁵ В этом споре безусловно прав В. О. Ключевский. Среди литературных памятников XVI в. вряд ли можно найти произведение, столь же богатое сведениями о различных сторонах жизни Севера, как Житие Александра. Особенно интересны известия, характеризующие северную культуру. Приведем лишь некоторые примеры. Автор рассказывает об обучении отрока Алексея грамоте в глухой деревне Вещезеро, в 60 верстах от Белозерска, «от ту сущих учителей» (л. 48 об.), а затем в Кирилло-Белозерском монастыре «у некоего дьяка разумна искусна» (л. 69), о многочисленных «писаниях» (письмах), которые Александр посылал родителям из Кириллова монастыря (лл. 64 об., 65, 99 об.). Эти сведения расширяют и уточняют наши представления о распространении грамотности и школ на Севере.⁶ В житии находим сведения о плотнике — «древodelателе» Василии, построившем в монастыре в 30—40-е годы XVI в.⁷ Никольскую церковь и, очевидно, славившемся на всем Севере, так как он был приглашен издали — «от лук морских» (л. 183—183 об.). По нашим данным, это одно из древнейших известий о северных зодчих, имена которых почти не дошли до нашего времени. Житие сообщает о существовании в те же годы иконописной артели в Каргополе (иконописец Симеон с сыном Иваном, л. 188). Предположение о Каргополе как крупном художественном центре, которое можно сделать на основании происходящих из этого края икон, получает здесь косвенное подтверждение. Из текста мы узнаем и о некоторых чертах творческого метода древнерусских иконописцев (в рассказе о Симеоне, л. 188—191).⁸

Здесь можно найти и ряд сведений, рисующих связи края с Новгородом и Москвой (лл. 101 об., 104—105, 264—270 об.), что объясняет явления, сказывающиеся в местных памятниках искусства. Наконец, в Житии содержится много чисто бытовых эпизодов из жизни иноков и мирян. Это жанровые рассказы о различных тяжбах и препирательствах, о кражах и торговых сделках, о путешествиях по быстрым рекам и глубоким северным озерам. Они воссоздают реальную обстановку повседневного быта, рисуют конкретную среду вокруг идеального героя, образуют живую плоть произведения.⁹

Икона из Кеми — единственное известное нам в настоящее время произведение, где изображено житие Александра Ошевенского.¹⁰ Уже сам этот факт придает кемскому памятнику существенное значение.

Клейма иконы расположены в строчном порядке и сопровождаются пространственными пояснительными надписями, где текст жития не цитируется, а пересказывается. Состав эпизодов следующий.

⁵ Ив. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 89—109.

⁶ А. Н. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894, стр. 4.

⁷ Здесь и в дальнейшем мы уточняем датировку событий по именам настоятелей (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, табл. 995—996).

⁸ См. об этом: Ю. Н. Дмитриев. О творчестве древнерусского художника. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 551—553.

⁹ Эти качества древнерусской агнографии, охарактеризованные В. П. Адриановой-Перетц, очень полно проявились в Житии Александра Ошевенского. См.: В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1964, стр. 42—43, 69—71.

¹⁰ Изображения Александра Ошевенского вообще очень редки и встречены нами только в северных иконах, хотя есть сведения, что в XVII в. его почитали и в Москве. См.: Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 150—151.